

Майборода П.А.

Национальный университет «Одесская морская академия»

«ТЫ ХОДИЛ В ЕГИПЕТ ... СЛОВНО СОБИРАТЕЛЬ БАСЕН ПЬЯНЫХ СТАРУХ»: ХРИСТИАНСКО-ЯЗЫЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА У В.Н.Э. В «МУЧЕНИЧЕСТВЕ АРТЕМИЯ»

Стаття присвячена християнсько-язичницькій полеміці в агіографічному творі «Мучеництво Артемія» (Passio Artemii). «Мучеництво Артемія» – агіографічний текст, написаний приблизно в VIII–IX столітті невідомим автором, який в одних рукописах підписаний як Іоанн Монах (або Іоанн Родоський), в інших – як Іоанн Дамаскін. У тексті йдеться про життя і (переважно) мученицьку кончину Артемія, управителя Єгипту, у часи правління Флавія Клавдія Юліана (361–363 рр.), прозваного християнами Юліаном Відступником. «Мучеництво» було складено на підставі робіт церковних істориків, зокрема Філосторгія.

Автор дослідження аналізує аргументи сторін і доходить висновку, що головна частина полеміки між християнством і язичництвом зводиться до актуальних для IV – V ст. н.е. політичних питань, зокрема образу Костянтина Великого, а також убивства зведеного брата Юліана Галла. Джерело продовжує традицію церковних істориків, для яких демонстрація політичної безпорадності язичництва була набагато важливішою за інтелектуальну боротьбу. Юліан у «Мучеництві» зберіг деякі історичні риси: намагається цитувати Біблію, жартувати над забобонами своїх опонентів, називає християн «галілеянами». Однак язичницький імператор показаний автором джерела настільки безпорадним у полеміці, що виникає відчуття того, що в «Мучеництві» втілена мрія отця церкви Кирила Александрійського: показати, як Юліан приходять у жах від християнських аргументів. Якщо Кирило не зміг домогтися цього у своїй роботі «Проти нечестивого Юліана» (надто вже докладно цитував він язичницького імператора, чий дотепні відповіді на християнські аргументи могли розбурхати легковірного читача), то автор «Мучеництва» показав саме такого Юліана – роззубленого і безпорадного перед безоднею християнської вченості.

Ключові слова: «Мучеництво Артемія», Юліан Відступник, християнсько-язичницька полеміка, церковні історики, агіографія.

Постановка проблеми. Одной из ключевых проблем современной исторической науки является проблема исторической памяти. История повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз – в виде фарса [1, с. 119], но порой кульбиты исторической памяти демонстрируют нам, что вариантов трагедии и фарса применительно к исторической памяти можно исчислить куда больше, чем у классика. В этой работе автор исследует одно из таких преломлений исторической памяти – полеміку «последнего языческого императора» Юлиана с христианским мучеником Артемием, записанную по трудам церковных историков спустя четыре века.

«Мученичество Артемия» (Artemii Passio) (автор использовал издание [2]) – агиографический текст, написанный приблизительно в VIII–IX веке неизвестным автором, который в одних рукописях подписан как Иоанн Монах (или Иоанн Родосский), в других – как Иоанн Дамаскин [2, с. 218].

В тексте идёт речь о жизни и (преимущественно) мученической кончине Артемия, управителя (dux'a) Египта во времена правления Флавиуса Клавдия Юлиана (361–363 гг.), прозванного христианами Юлианом Отступником. В первой части «Мученичества» автор сосредотачивается на обстоятельствах прихода к власти Юлиана. Он рассказывает о том, что Артемий был одним из наиболее приближённых к Констанцию (годы правления: 337–361) сановников, именно поэтому последний доверил ему перенос новонайденных мощей святых Андрея, Луки и Тимофея. Пользуясь случаем, автор рассказывает о принятии Константином христианства и о правлении его сыновей – Констанция, Константина и Констанса. История рассматривается автором целиком в провиденциалистском духе: так, Констанс потерял власть из-за своих нечестивых деяний [2, §10], а Констанций умер во время гражданской войны с Юлианом из-за своих пристрастий к арианству [2, § 20].

Особенно подробно в первой части «Мученичества» описываются обстоятельства, предшествовавшие казни Констанция Галла, сводного брата Юлиана, поскольку вопрос об истинных виновниках убийства Галла будет одним из ключевых в полемике Артемия и языческого императора. Первая часть «Мученичества» заканчивается описанием Халкидонского трибунала – суда над виновниками казни Галла, которые клеветали при дворе Констанция и на Юлиана. Далее в «Мученичестве» следует лакуна [2, § 25], а затем описывается, как перед Юлианом предстал управитель Египта Артемий. Исследованию развернувшейся между Юлианом и Артемием полемики и посвящена эта статья.

«Мученичество» было, как говорит об этом сам автор [2, § 4], составлено на основании работ церковных историков Евсевия Памфила, Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита Кирского и особенно Филосторгия. Учитывая, что работа последнего из них сохранилась преимущественно в фрагментах патриарха Фотия [3], «Мученичество» отражает не дошедшую до нас полемику с языческим императором, актуальную для первой половины V в. н.э.

Анализ последних исследований и публикаций. «*Passio Artemii*» привлекало исследователей в разном контексте: для уточнения даты обнаружения мощей святых Андрея и Луки [4], его использовали для изучения обстоятельств гибели брата Юлиана Галла [5], для иллюстрации перипетий церковных споров между ортодоксами и арианами, однако автору практически ничего не известно об использовании «Мученичества» для изучения полемики между христианством и язычеством¹.

Цель статьи – показать эту полемику, вписать её в контекст борьбы вокруг образа Юлиана, происходившей между христианами и язычниками в IV – V вв.

Изложение основного материала исследования. Первая встреча Артемия и Юлиана оказалась довольно краткой. Юлиан от своих приближённых узнал о причастности Артемия к смерти Галла и повелел наказать его бичеванием, а потом отправить в тюрьму, где уже находились мученики Макарий и Евгений. Обвинение Артемия в смерти брата Юлиана базировалось на том, что все приближённые Констанция клеветали на Галла,

а затем и на самого Юлиана перед императором. Среди таких приближённых-клеветников автор называет Гауденция, Павла Испанца и Евсевия-евнуха; во время процесса они обвиняли и Артемия как человека, особенно близкого к покойному императору.

Имеется более ранний античный источник – Аммиан Марцеллин, который также рассказывал о Халкидонском трибунале. По его словам, Артемий был казнён «по обвинению его александрийцами в тяжких преступлениях» [7, XXII; 11, с. 2]. То есть в более ранних источниках казнь Артемия связывали с жалобами на него управителю Египтом и беспорядками, произошедшими там. Автор показал, что Юлиан едва ли верит в реальную причастность святого к смерти Галла.

В соответствии с текстом «Мученичества», на следующий день после заключения святого Юлиан вновь вызвал Артемия к себе [2, § 40]. На этот раз Юлиан вел себя с Артемием более предупредительно и уважительно. Император предложил ему прощение всех проступков, назначение его вторым человеком в империи (риторическое преувеличение, характерное, по мнению автора, для житийной литературы²), если Артемий поклонится Аполлону и признает его истинным богом.

Автор пробует проанализировать аргументы Юлиана против христианства и ответы на них Артемия. Сначала оппоненты полемизировали об образе Константина Великого. Юлиан утверждал, что Константин – худший из правителей, из-за его нечестия боги позволили ему отойти от древней религии греков и римлян. Обличения Константина очень близки к той традиции, которой придерживается византийский историк Зосим [8, II, 29, 1–3]: император казнил своих сына Приска (Криспа) и жену Фаусту, совершив тем самым немыслимое нечестие, а затем, не зная как искупить свои преступления, узнал, что прощение он может получить только у христиан. Отвечая Юлиану, Артемий подчеркнул, что казнь Фаусты была справедливой, потому что она подражала Федре, то есть вступила в кровосмесительную связь со своим пасынком; сын же был казнён из-за наговоров окружения, но, в конечном счёте, тоже справедливо³.

Что касается обращения Константина, то сам Христос, по утверждению Артемия, явил ему

² Ср. с похожим эпизодом, описанным в 5-й главе книги пророка Даниила.

³ Федра воспылила страстью к своему пасынку Ипполиту, однако была им отвергнута; оклеветав Ипполита навлекла на него гибель, а впоследствии и сама покончила жизнь самоубийством. История Федры художественно изображена в трагедии Еврипида «Ипполит».

¹ За исключением [5, р. 41–49]. Несмотря на то, что Артемию была посвящена целая глава, автор лишь пересказывает обстоятельства мученической кончины последнего, не вдаваясь в текст в анализ полемики между христианством и язычеством.

знак, когда он готовился к битве с Максенцием [2, § 45]. Это было знамение креста в небе с надписью латынью, причём видело эту надпись множество воинов, некоторые из которых были живы на момент полемики Юлиана с Артемием. Далее мученик утверждал, что и сам был тогда в войске Константина и видел знак (между обращением Константина и полемикой с Юлианом пятьдесят лет: 312–362). Тут, возможно, проявилось то, что для автора «Мученичества» хронологические координаты смещены: обращение Константина и отступничество Юлиана для него близкие по времени события, он не находит ничего лучшего, кроме как обращаться к аргументам, типичным для раннего христианства – апелляции к личному опыту.

Другая линия полемики основана на причастности Артемия к убийству брата Юлиана Галла. Именно поэтому автор «Мученичества» навел подробную хронологию перемещений Галла по приказу Констанция, детально описал козни против него Евсевия-евнуха, действия которого и привели к смерти брата Юлиана. Артемию в тексте «Мученичества» осталось лишь добавить, что он в то время не был при дворе Констанция, находясь в Египте, поэтому не участвовал в заговоре, приведшем к гибели Галла.

Главная линия полемики проходит по линии противостояния язычества и христианства. Какая из религий соответствует истине, кто лучше, старые боги или новый Христос, какие мотивы движут Юлианом, отказавшимся от религии, совсем недавно принятой его семьёй? Автор почти не интересуется этим: для него христианство давно и однозначно победило, а Юлиан нужен на сцене лишь для того, чтобы показать окончательный и бесповоротный триумф последнего. Язычество для Юлиана, который предстал перед нами в «Мученичестве», правильно лишь потому, что это – религия предков и древности, тех греков и римлян, которые свершили великие деяния [2, § 41–42]. Его аллегорический метод толкования древних мифов дан только вскользь: солнце, луна и звёзды – это только видимые образы богов, поэтому поклонение им имеет под собой некоторый резон.

В противовес Юлиану Артемий очень красноречив и неплохо, по позднеантичным меркам, образован. Он знал, что пророки древности, которых признавали и язычники, говорили о Христе так, как о нём пророчествуют Сивилловы книги [2, § 46]. Вергилий в «Буколиках» предсказал рождение чудесного младенца, и даже Аполлон при-

знал превосходство христианского бога⁴ (автор ссылается на «Герметический корпус», подробнее об этом в статье [10, с. 44]. Таким образом для полемики против Юлиана привлекается пёстрый корпус литературы, появившейся в империи в связи с быстрым распространением различных синкретических сект и течений; полемистов мало заботит проблема аутентичности подобной литературы. Такие ссылки должны были показать, что бог открывает истину всем народам; язычники просто закрыли от неё глаза и уши, не желали признавать того, что когда-то написали их же авторы.

Другим аргументом против Юлиана служил вопрос преемственности. В III – IV вв. н.э., когда обращение к философским первоисточникам становилось более редким, возросла популярность компендиумов, вроде работы Диогена Лаэртца «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» [11] или «Мнения философов» псевдо-Плутарха [12]. Такие источники изображали историю философии в виде бесконечных линий преемственности, где каждый последующий философ взял (а иногда и украл) что-то у предыдущего. Кажется, что именно на такой логике и строилась аргументация житийного Артемия: Юлиан был платоником, Платон – учеником Сократа, Сократ – Архелая, а Архелай – Анаксагора. Последний же утверждал, что солнце – это раскалённая глыба, а поклонение Юлиана солнцу – отказ от собственных же философских истоков.

У Юлиана в версии «Мученичества» нет ответов на подобные аргументы. Император-отступник из «*Passio Artemii*» в состоянии лишь сыпать пустыми оскорблениями (Артемий в его интерпретации не добыл в Египте мудрости, а, словно упивающийся вином старухи, собирал там небылицы [2, § 47]), не к месту цитировать Библию (обещая наказать мученика, как сказано у галилеян, то есть у христиан, семижды семьдесят раз [13, 18: 21–22]) и гневаться, наказывая мученика (сначала раскалёнными прутьями, потом лишением еды и воды, наконец приказав раздавить его огромным камнем, а когда и это не подействовало, отдав распоряжение отсечь мученику голову).

В изображении страстей автору «Мученичества» неожиданно удалось показать сильную картину бесчеловечия языческого императора. Наблюдая гротескную картину: Артемий с вывалившимся внутренностями и глазами продолжает предрекать гибель отступнику, Юлиан не находит

⁴ IV эклога «Буколик» [9] говорит о рождении «чудесного младенца», которого отцы церкви (Лактанций, а затем Евсевий Кессарийский) соотнесли с Христом.

ничего иного, как только процитировать место из Еврипида, где сказано, что поистине нет таких страданий, которых бы не мог пережить человек [14, 1–3]⁵. Сам того не желая, автор «Мученичества» показал Юлиана зацикленным на сухой и оторванной от жизни учёности, чуждого человеческим страданиям и эмоциям.

Выводы. В «Мученичестве Артемия» главная часть полемики между христианством и язычеством сведена к актуальным для IV – V вв. н.э. политическим вопросам. Так, стороны обсуждают деятельность, а также убийство сводного брата Юлиана Галла. Происходит это потому, что автор следует традиции церковных историков, для которых демонстрация политической беспомощности язычества была куда важнее интеллектуальной борьбы с ним. Автор не даёт образ Юлиана как абстрактного эсхатологического отступника от христианства, как это делала сирийская традиция в текстах Ефрема Сирина или «Романа о Юлиане». Юлиан в «Мученичестве» всё ещё сохраняет некоторые свои исто-

рические черты: пытается цитировать Библию, шутить над суевериями своих оппонентов и называет христиан «галилеянами».

В связи с этим автор описывает ещё одно свое наблюдение. Юлиан показан настолько беспомощным в полемике, что создаётся ощущение: в «Мученичестве» воплощена мечта отца церкви Кирилла Александрийского: показать Юлиана приходящим в ужас [15, col. 574–575] от христианских аргументов. Кирилл не смог добиться этого в своей работе «Против нечестивого Юлиана». Слишком пространно он цитировал языческого императора, чьи остроумные ответы на христианские аргументы могли взбудоражить легковверного читателя. Автор же «Мученичества» показал именно такого Юлиана – растерянного и беспомощного перед бездной христианской учёности. Возможно, именно это и стало одной из тех причин, которые побудили византийского автора обратиться к текстам церковных историков и составить свою версию «Мученичества Артемия», которая и сохранилась до наших дней.

Список литературы:

1. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 8. Изд. 2: «Государственное издательство политической литературы». М., 1957.
2. From Constantine to Julian. [John the Monk], Artemii passio (The ordeal of Artemius, BHG 170–171 с, CPG 8082) / From Constantine to Julian: pagan and Byzantine views. A source History.—Ed. by S. N. C. Lieu and D. Montserrat. London, NY, 1996. 285 p.
3. Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» / Церковные историки IV – V веков. М., 2007. С. 189–265.
4. Burgess R.W. The Passio s. Artemii, Philostorgius, and the Dates of the Invention and Translation of the Relics of Sts Andrew and Luke / *Annalecta Bollandiana*. Vol. 121, 2003. P. 5–36.
5. Thompson E.A. Ammianus Account of Gallus Caesar / *American Journal of Philology*, 64 (1943). – P. 302–315.
6. Teitler H.C. The Last Pagan Emperor: Julian the Apostate and the War Against Christianity. NY : Oxford University Press, 2017.
7. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни, 1906–1908 гг.; ред., предисл. и комм. Л.Ю. Лукомского. 3-е изд. СПб : «Алетейя», 2000. (Античная библиотека).
8. Зосим. Новая история. О Константине и основании Константинополя (II. 8–39) // Мир Византии : материалы Международного научного семинара 27–28 окт. 2006 г. Белгород : БелГУ, 2007.
9. Буколики. Эклога IV / Пер. с лат. С.В. Шервинского, комм. Н.А. Старостиной. // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М. : «Художественная литература», 1979.
10. Майборода П.А. Полеміка Кирила Александрійського з Юліаном Відступником / *Libra* : Збірка наукових праць кафедри історії Стародавнього світу та Середніх віків. Вип. III. Одеса, 2014. С. 37–46.
11. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. М. : «Мысль», 1986.
12. Псевдо-Плутарх. Мнения философов / Пер. Черниговский В.В. // *Человек*, 1998. № 3–6, 1999.
13. Евангелие от Матфея / Библия. Синодальный перевод.
14. Еврипид. Орест // Еврипид. Трагедии / Пер. И. Анненского. В 2 томах. Т. 2. М. : «Наука», 1999.
15. Sancti patris nostril Cyrilli Alexandriae archiepiscopi pro Christiana religion, adversus Julianum imperatorem libri decem // *Patrologia Graeca*. V. 76.

⁵ В переводе И. Анненского звучит несколько иначе:

*Где мука та, которую назвать –
Так стынет кров, и где та кара, люди,
Божественным решенная судом,
Чтоб ваших плеч их иго миновало?*

Maiboroda P.A. “YOU CAME TO EGYPT ... AS A COLLECTOR OF FABLES OF DRUNKEN OLD WOMEN”: A CHRISTIAN-PAGAN POLEMIC IN “PASSIO ARTEMII”

The article is devoted to the Christian-pagan polemic in the hagiographic work Passio (Martyrdom) Artemii. Passio Artemii is a hagiographic text written around the VIII-IX century by an unknown author, which is signed in some manuscripts as John the Monk (or John of Rhodes), in others as John Damascene. The text deals with the life and (mostly) martyrdom of Artemy, ruler of Egypt under the rule of Flavius Claudius Julian (361–363), nicknamed the Christian Julian the Apostate. “Martyrdom” was compiled on the basis of the work of church historians, in particular, Philostorgius.

The author of the study analyzes the arguments of the parties and comes to the conclusion that the main part of the polemic between Christianity and paganism is reduced to the relevant for IV – V centuries political issues, in particular, the conversion of Constantine, as well as the murder of half-brother Julian Gall. The source follows the tradition of church historians, for whom the demonstration of the political helplessness of paganism was far more important than the intellectual struggle. Julian in “Martyrdom”, however, retains some of its historical features: he tries to quote the Bible, joke about the superstitions of its opponents, and finally calls Christians “Galileans”.

Julian, however, is shown by the author of the source so helpless in the debate that it seems that Martyrdom embodies the dream of the father of the church Cyril of Alexandria: to show Julian terrified of Christian arguments. And if Cyril himself could not achieve this in his work “Against the Unholy Julian,” he quoted the pagan emperor too broadly, whose witty answers to Christian arguments could agitate the gullible reader, then the author of “Martyrdom” showed just such Julian – bewildered and helpless before the abyss of Christian scholarship.

Key words: “Martyrdom Artemia”, Julian the Apostate, Christian-pagan polemic, church historians, hagiography.